

Международный ежегодник по философии культуры. 1910

Книга I

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
М43

М43 Международный ежегодник по философии культуры. 1910: Книга I / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 292 с.

ISBN 978-5-458-04954-2

Издание организовала в 1910 г. группа молодых российских (С. Гессен, Ф. Степун, Н. Бубнов) и немецких философов (Р. Кронер, Г. Мелис). В Москве журнал выходил в издательстве «Мусагет», а позже – в «Товариществе Н. О. Вольфа». В Тюбингене издателем был Зибек. В первом номере было объявлено участие В. И. Вернадского, И. М. Гревса, Ф. Ф. Зелинского, Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова, П. Б. Струве, С. Л. Франка. Позже к ним присоединились А. А. Чупров и А-р И. Введенский, а Лосский и Франк вышли из журнала. В русской версии «Логоса» участвовали и иностранные философы: Г. Зиммель, Г. Риккерт, Р. Кронер, Г. Вёльфлин, В. Виндельбанд, Н. Гартман, П. Наторп, Б. Кроче, Э. Бутру. Журнал следовал главным образом неокантианской традиции во всех ее проявлениях. Основной была идея автономии философского знания, преобладали публикации о проблемах теории познания. «Логос» дистанцировался от философских течений, основанных на «внефилософских» началах (натурализм, психологизм, историзм, религиозная философия мистического и онтологического характера; сюда же была зачислена и русская религиозная философия). Поскольку журнал пропагандировал прежде всего немецкую философию, то с началом Первой мировой войны в 1914 г. он перестал выходить (лишь в 1925 г. в Праге была попытка возобновить издание, но дальше выпуска одного номера дело не пошло).

ISBN 978-5-458-04954-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ редакціи.

«Безусловно независимая и въ себѣ увѣренная дѣятельность человѣческаго ума — есть собственная стихія философіи. Невозможно про-извести чего-нибудь истинно великаго въ какой бы то ни было сферѣ человѣческой дѣятельности, если нѣтъ полной увѣренности, что именно эта сфера есть самая важная и достойная, что дѣятельность въ ней имѣетъ самостоятельное и безконечное значеніе».

Владиміръ Соловьевъ.

I.

СОВРЕМЕННЫЙ КУЛЬТУРНЫЙ РАСПАДЪ И КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ФИЛОСОФІИ.

Впервые проснувшись къ самостоятельной жизни, русская философская мысль въ лицѣ романтиковъ славянофиловъ жадно устремила на встрѣчу всеобъемлющему, всѣ стороны жизни и мысли охватывающему синтезу. Это стремленіе, казалось, столь роднило ее съ духомъ всякой подлинной философіи, съ неустаннымъ стремленіемъ ея къ завершенію и системѣ. Но сознательно стремясь къ синтезу, русская мысль безсознательно двигалась въ направленіи къ хаосу и, сама хаотичная, ввергала въ него, поскольку ею владѣла, и всю остальную культуру Россіи. Причина этой трагической подмѣны коренилась, а быть можетъ и все еще коренится въ томъ основномъ фактѣ, что мысль наша никогда не была вполне свобод-

ною и вполне автономною. Основные принципы русской философии никогда не выковывались на медленном огне теоретической работы мысли, а извлекались в большинстве случаев уже вполне готовыми из темных недр внутренних переживаний.

Лишь частным случаем этого общего правила является и основное заблуждение славянофильской школы. Свое всеобъемлющее единство она тоже не создала, как принцип в процесс теоретического мышления, а просто вскрыла, как основной факт внутренней жизни. Но единство, как данность внутренней жизни, есть нечто совершенно иное, чем единство, как заданность теоретической мысли.

В первом случае оно есть темный иррациональный корень, единящий всю полноту наших переживаний. Во втором случае оно есть кристально-ясная сфера рационального объединения всех мотивов обще-культурного и в особенности философского творчества.

Дѣлая единство жизни критеріемъ подлинной философской работы, славянофильство роковымъ образомъ приходило къ слишкомъ скорому пріятію синтеза, къ подмѣнѣ единства заданного уже готовымъ единствомъ. Но двигаясь по линіи этой подмѣны, славянофильство неминуемо должно было двигаться и къ отрицанію безконечной прогрессивности исторіи во всехъ областяхъ культуры.

Не давая этимъ областямъ, такъ сказать, до конца вызрѣть въ процессѣ свободнаго развитія, оно глушило ихъ преждевременнымъ вовлеченіемъ во всеобъемлющее единство, превращая тѣмъ самымъ глубоко-значительный принципъ синтеза изъ свободнаго союза, основаннаго на всестороннемъ признаніи отдѣльныхъ областей культуры во всей ихъ многообразной особенностяхи, въ мрачную деспотію взаимно поработенныхъ сторонъ духа, въ деспотію озлобленныхъ и завистливыхъ рабовъ. Такъ, призванная по всему существу своему къ разграниченію и освобожденію отдѣльныхъ областей культуры и духа, философія являлась въ лагерѣ русскихъ романтиковъ началомъ насилующимъ и

порабощающимъ. Но такъ оно и должно было быть: освобождаютъ только свободные. Порабощенные мстятъ порабощеніемъ. А философія славянофильства была, какъ мы видѣли, всецѣло плѣнена жизнью. У нея заимствовала она свое основное понятіе ирраціональнаго единства. Ей она должна была служить. Отъ нея требовали не самостоятельнаго раціональнаго творчества, а лишь раціональной санкціи господства ирраціональнаго. Такъ снова становилась она, достойная хранительница высшей правды, въ зависимое положеніе средневѣковой прислужницы.

Владиміръ Соловьевъ наиболѣе ярко воплотилъ въ своемъ творествѣ это основное противорѣчіе исторіи русской мысли. Никто отчетливѣе его не сознавалъ значенія автономіи и безкорыстности философіи, „какъ увѣренной въ себѣ дѣятельности ума человѣческаго“. Никто яснѣе его не видѣлъ философской бесплодности славянофильскаго погруженія въ хаосъ и необходимости прихода къ подлинному зрячему синтезу, никто глубже его не понималъ причинъ отсутствія въ Россіи истинной философіи и никто не произносилъ болѣе убѣдительныхъ словъ въ защиту свободной философской мысли, а тѣмъ самымъ и въ защиту освобожденія всей культуры отъ односторонняго господства смѣняющихся направленій. Но преодолевъ, такимъ образомъ, сознаніемъ своимъ всѣ главныя прѣтиворѣчія славянофильской романтики, Владиміръ Соловьевъ всею безсознательнымъ творчествомъ своимъ остался до конца погруженнымъ во внутреннія пути этой школы. Органическое, такъ сказать, славянофильство Соловьева сказывается въ неубѣдительности и несостоятельности его философской концепціи, неубѣдительности, коренящейся въ томъ фактѣ, что для Соловьева, такъ же, какъ и для славянофильства, сфера раціональнаго мышленія совершенно не является въ концѣ концовъ сферой подлиннаго творчества. Творчество Соловьева всецѣло уходитъ въ темные корни его ирраціональныхъ переживаній. Его же раціональныя построенія носятъ отнюдь не творческій, а лишь пассивно повѣствовательный характеръ. Sub specie цѣнности теоретической истины Владиміръ Соловьевъ едва ли создалъ нѣчто новое и значительное. Его система безконечно важна лишь какъ условная транскрипція или сигнализациа новой полноты и глубины переживаній. Какъ про-

зрачны и ясны ни казались бы основныя понятія философской системы Соловьева по сравненію съ теоретическими положеніями его предшественниковъ, примать жизни и подвластность теоретической мысли остаются все же главными признаками ея.

Но если болѣе философское мистическое теченіе русской мысли, даже въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ Соловьевъ, ясно сознавшихъ задачи философіи и независимый характеръ ея, не смогло положить начала прочной философской традиціи, то въ еще большей степени то же можно сказать о позитивистическомъ теченіи русской мысли, относившемся къ философіи большей частью не только скептически, но прямо-таки нигилистически. Тутъ не только не было сознанія автономіи философіи, но даже прямо провозглашалась необходимость подчиненія ея инымъ, главнымъ образомъ, этическимъ и политическимъ цѣностямъ.

Правда, требованія эти почти всегда облекались въ форму научныхъ истинъ, такъ что могло казаться, что лишь чистое знаніе являлось единственною цѣлью нашихъ позитивистовъ. Но это формальное признаніе автономной мысли только прикрывало еще больше полное поработеніе ея. Подъ знакомъ этого признанія отъ философіи требовали не только служенія инымъ цѣностямъ, но и теоретическаго оправданія чужого господства. Основное противорѣчіе русской мысли — противорѣчіе сознаваемой цѣли и подсознательнаго тяготѣнія,—породившее у нашихъ мистиковъ полную невозможность прійти къ зрячему синтезу, воскресало такимъ образомъ въ противоположномъ лагерѣ въ противорѣчій провозглашавшагося абсолютнаго господства разума и фактическаго плѣненія его посторонними истинъ мотивами. Пытавшійся примирить это противорѣчіе Михайловскій своимъ понятіемъ двуединой правды только закрѣпилъ его. Основному противорѣчію нашего позитивизма онъ только придалъ раціональную формулировку, аналогичную той, въ которой Владиміръ Соловьевъ раціонально закрѣпилъ основное противорѣчіе нашего мистическаго теченія. Быть можетъ, эта смѣна одностороннихъ направленій, изъ которыхъ каждое притязало на исключительное господство, имѣла не съ философской, а съ общекультурной точки зрѣнія большой внутренней смыслъ и нерѣдко

приносила благіе результаты. Съ каждымъ новымъ направленіемъ выдвигался какой-нибудь новый элементъ культуры, который, встрѣчая обыкновенно на дѣвственной почвѣ нашей безусловное сопротивленіе и непониманіе, dorосталъ, однако, въ этой борьбѣ до полнаго своего значенія и болѣе или менѣе общаго признанія. Но какой бы смыслъ ни имѣло это непостоянство направленій и легкость забвенія въ иныхъ отношеніяхъ, для философіи съ ея стремленіемъ къ полному синтезу такая смѣна господствующихъ направленій могла всегда означать только постоянное рабство при вѣчной смѣнѣ рабовъ и владыкъ: кромѣ самихъ себя, т.-е. представленныхъ ими культурныхъ мотивовъ, направленія эти ничего цѣннаго въ философскомъ отношеніи дать не могли. Философски они оставались безплодными.

Современный культурный распадъ означаетъ не столько сознаніе неправильности требованій, предъявляемыхъ къ философіи со стороны разныхъ направленій и нарушающихъ ея автономію, сколько отсутствіе какого бы то ни было яснаго и глубокаго направленія. Но въ этой пустотѣ наличностей чувствуется наличность какихъ-то возможностей. Наше время снова волнуется жаждою синтеза. Это великая надежда наша, но это и грозящая намъ опасность. Острѣе чѣмъ когда-либо надо намъ помнить, что на стражѣ русскаго синтеза разъ навсегда поставленъ темною волей судьбы темный и ирраціональный хаосъ. Надо помнить, что за поспѣшнымъ пріятіемъ скороспѣлаго синтеза неминуемо послѣдуетъ, а отчасти уже и послѣдовало, еще большее разочарованіе въ философіи, въ наукѣ и вообще въ безконечномъ значеніи какой бы то ни было культурной дѣятельности. Смутную, но несомнѣнно подлинную потребность въ синтезѣ и системѣ, столь живо ощущаемую нынѣ всѣми, намъ надо заботливо направить по могучему и широкому руслу міровой культуры. Философія, какъ раціональное знаніе, ведущее къ научно доступному единству, можетъ и должна сыграть въ этомъ отношеніи далеко не послѣднюю роль. Но для этого прежде всего необходимо сознать культурное и освобождающее значеніе ея.

Философія прежде всего учитъ, что синтезъ долженъ быть цѣлью, а не исходнымъ пунктомъ культурныхъ иска-

ний. Первозданное единство иррациональных переживаний превращает она въ идею единой научной системы. Она разграничиваетъ многообразныя области культуры, ставитъ предѣлы ихъ требованіямъ и запросамъ, указываетъ каждой ея особое мѣсто и дѣлаетъ тѣмъ самымъ каждую вполне свободной въ предѣлахъ ея же осознанныхъ границъ. Такъ противопоставляетъ она слѣпому синтезу, основанному на рабствѣ то тѣхъ, то иныхъ областей духа, ихъ свободный и прочный союзъ. Эта мысль глубокой связи между понятіемъ границы и свободы составляетъ одну изъ наиболее важныхъ въ культурномъ отношеніи мыслей критицизма, а потому она должна неминуемо стать неотъемлемымъ достояніемъ всей послѣ-кантовской философіи. Чрезмѣрнымъ притязаніямъ въ теченіе долгаго времени поработченныхъ мотивовъ, разнаго рода духовнымъ протестамъ и слѣдующимъ за ними духовнымъ реакціямъ, постоянному приливу и отливу враждебныхъ, борющихся другъ съ другомъ силъ—необходимо противопоставить идеаль основанной на взаимномъ признаніи полноты культуры. Надо понять, что какъ культурное государство не можетъ существовать безъ внутренней свободы своихъ гражданъ, такъ и подлинный философскій синтезъ долженъ неминуемо требовать полной свободы развитія всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ мотивовъ, которые лишь въ совокупности составляютъ ликъ подлинной культуры. Но для того, чтобы философія могла занять въ отношеніи культуры это единственное соотвѣтствующее ей положеніе, разграничивающее и освобождающее силы, нужно прежде всего сознать то особое положеніе, которое она сама занимаетъ въ системѣ культурныхъ цѣнностей. Надо безкорыстно предоставить ей полную свободу саморазвитія и самоопредѣленія, ибо философія—нѣжнѣйшій цвѣтокъ научнаго духа, и она особенно нуждается въ сознаніи безкорыстности ея задачъ. Лишь по выполненіи этихъ условій сможетъ она стать самостоятельнымъ факторомъ культуры и выполнить возлагаемую на нее роль. Удовлетворяетъ ли однако современная философія подобнымъ требованіямъ? Въ состояніи ли она оправдать возлагаемая на нее надежды?

II.

СОВРЕМЕННЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ РАСПАДЪ И ФИЛОСОФСКОЕ
ЗНАЧЕНИЕ КРИТИЦИЗМА.

Мы переживаемъ теперь, повидимому, эпоху не только общекультурнаго, но въ частности и философскаго распада. И притомъ не только въ Россіи, но и на Западѣ. Жалобы на эпигонскій характеръ современной философіи, александрійское настроеніе безысходности и тоски по новому, сильному, жажда порыва и системы смѣняются скептицизмомъ, разочарованіемъ въ философіи, какъ въ абсолютномъ, раціональномъ знаніи, сомнѣніемъ въ возможности синтеза и системы. Все болѣе и болѣе распространяющійся прагматизмъ является философскимъ выраженіемъ этого настроенія неудовлетворенности и сомнѣнія въ силѣ раціональнаго мышленія; онъ явно провозглашаетъ конечное и подчиненное значеніе философскаго знанія, призывая къ темному хаосу первичныхъ и субъективнѣйшихъ переживаній. Кажущаяся смѣлость его выступленій не въ состояніи скрыть подлинной сути питающаго его настроенія, настроенія отчаянія и тоски. Онъ является протестомъ, реакціей противъ эпигонства современной философіи, которая, забывая запросы живой конкретной личности, удовлетворяется міромъ ею же созданныхъ абстракцій, протестомъ противъ игнорированія философіей послѣднихъ вопросовъ и ея неустаннаго вращенія въ сферѣ предпослѣднихъ проблемъ. И дѣйствительно, предпослѣдній характеръ трактуемыхъ философіей темъ рѣзко бросается въ глаза: разрабатывая завѣщанное ей наслѣдство творческой эпохи, она какъ бы боится его послѣдней глубины и тщательно избѣгаетъ касаться робкою мыслью своей тѣхъ откровеній вѣчности, которыми свѣтятся великія созданія творческихъ временъ. Всюду много тонкой абстрактной работы, много ума и вдумчивой осторожности, но ни на чемъ не лежитъ печати глубокой геніальности и дѣйствительной мудрости. Всюду интересные тонкіе люди, оригинальные мастера философіи, но нигдѣ, даже и въ контурахъ, не намѣчается великой и мощной личности.

Но такъ ли ужъ дѣйствительно бесплодна современная философская мысль? Можно ли эпигонство нашего времени приравнять къ тому бесплодному эклектическому эпигонству александрійской поры, которое предшествовало не новому возрожденію, а еще болѣе глубокому паденію философскаго духа? Есть въ общемъ два вида эпигонства: эпигонство эклектическое и эпигонство школь.

Первое безпринципно. Вначалѣ оно признаетъ исторію, но, не имѣя никакихъ критеріевъ оцѣнки, оно вырождается въ крайній историзмъ, т.-е. безусловное признаніе всего прошлаго, независимо отъ породившей его обстановки. Оно не видитъ въ прошломъ пути къ настоящему; не рѣшаясь судить его, оно стремится его консервировать. Фактическая истина, схоластическій споръ объ авторитетахъ замѣняютъ споръ по существу. Автономіи философскаго духа нѣтъ и въ поминѣ, живая истина подчинена мертвой учености, правильной цитировкѣ текстовъ. Лучшіе изъ эпигоновъ еще тѣ, которые истину стремятся подчинить принципу красоты. Трагически влюбленные въ прошлое, они очарованы застывшей красотой его великихъ твореній. Самоудовлѣющая законченность и успокоенность историческихъ памятниковъ всецѣло приковываетъ ихъ вниманіе къ себѣ и мѣшаетъ двигаться дальше. И тѣ, и другіе одинаково не понимаютъ исторіи, той специфической силы времени, которая старыя мысли дѣлаетъ въ иной обстановкѣ совершенно иными. Тѣ и другіе, любя прошлое, не вѣрятъ въ будущее; любя свершенное, не вѣрятъ въ свершеніе и тѣмъ самымъ приходятъ къ полной пассивности и элегической разочарованности. Наступаетъ пресыщенность исторіей, и недавній безпринципный историзмъ быстро переходитъ въ противоположную крайность: въ столь же безпринципный модернизмъ. Внѣвременность прошлаго только подмѣняется внѣвременностью настоящаго, и безусловное признаніе исторіи переходитъ тѣмъ самымъ въ столь же безусловное ея отрицаніе. Отъ забвенія ждутъ чуда новыхъ зачатій и новыхъ рожденій, сильнаго слова, что положило бы конецъ безысходности эпигонства. Но воспитанные на готовомъ, на безусловномъ признаніи уже данныхъ истинъ, эклектики и эстеты слишкомъ быстро удовлетворяются въ поискахъ за новымъ под-

мѣною и фальсификаціей его, ибо попрежнему нѣтъ автономіи философскаго духа, и научная истина подчинена чуждому ей Богу новизны.

Но вѣдь не такой въ общемъ характеръ носить современное эпигонство. Не эклектики и эстеты опредѣляютъ типъ эпохи. Развитие школъ есть основная черта современной философіи. Если эклектическое эпигонство безпринципно, то эпигонство школъ излишне принципиально. Въ противоположность дутой безразличной полнотѣ эклектизма оно узко и односторонне. Оно исчерпываетъ заданныя творческой эпохой возможности, развивается до конца и послѣдовательно опредѣленные мотивы, въ творческую эпоху не расчлененные и сплетенные вмѣстѣ. Тонко чеканя и разграничивая понятія, дѣлитъ оно въ прекрасно оборудованныхъ мастерскихъ отдѣльныхъ философскихъ школъ великое наслѣдіе минувшей эпохи и обнаруживаетъ скрытыя въ ней возможности во всей ихъ рѣзкой односторонности. Стройное и красивое единство великихъ твореній прошлаго превращается, правда, такимъ образомъ, въ груды разностремящихся проблемъ и разнохарактерныхъ стремленій. Наслѣдіе прошлаго уничтожается тѣмъ самымъ какъ завершенное твореніе, но зато удерживается, не въ примѣръ эпигонству эстетическому, какъ живое творчество повседневной работы. Достигается стройность и рѣзкость понятій, совершенствуется техника абстрактнаго мышленія, глубже чѣмъ когда-либо постигается наслѣдіе творческихъ временъ, договаривается все недосказанное, вскрываются несознанныя противорѣчія, ставятся новыя задачи.

Сокрушая такимъ образомъ единство завѣщаннаго и превращая его въ многообразіе и соперничество мотивовъ, школьное эпигонство неминуемо приходитъ къ сознанію лишь относительнаго и предварительнаго характера своей работы и съ полнымъ сознаніемъ и во всеоружіи знанія и силы своей, обрѣтенной въ анализѣ прошлаго и въ борьбѣ съ нимъ, рѣшительно ставитъ вопросъ о новомъ единствѣ творческаго будущаго. Такъ достигается оно въ концѣ концовъ, быть можетъ, уродливыми усиліями своими, того, что для эпигонства эстетическаго осталось бы навѣкъ въ предѣлахъ недосыгаемой для него красоты.